

DOI 10.15826/tetm.2021.1.007

УДК 32.019.51 + 82-94 + 94(470)“1941/45” + 94(100)“1939/45”

Антон Вячеславович Комплеев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: an_kompleev@mail.ru

Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве

В статье анализируются процесс распада единой системы исторических образов, сложившихся в советский период, и причины нарастания мемориальных войн на постсоветском пространстве. Делается вывод о широком использовании в современных мемориальных войнах на постсоветском пространстве исторических сюжетов и образов, связанных с Великой Отечественной войной.

Ключевые слова: мемориальные войны, историческая политика, исторические нарративы, Великая Отечественная война, Вторая мировая война

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Мемориальные войны и политика национальной идентичности на постсоветском пространстве» (№ 20-011-31600).

Для цитирования: Комплеев А. В. Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 53–58.

Поступила в редакцию: 01.03.2021

Принята к печати: 15.03.2021

Anton V. Kompleev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Historical Stories of Modern Memorial Wars in the Post-Soviet Space

The author analyzes the process of the collapse of a single system of historical images that developed during the Soviet period and the reasons for the increase in memorial wars in the Post-Soviet space. It is concluded that historical stories and images related to the Great Patriotic War are widely used in modern memorial wars in the Post-Soviet space.

Keywords: memory wars, politics of history, historical narratives, Great Patriotic War, World War II

For citation: Kompleev, A. V. (2021). Istoricheskie syuzhety sovremennykh memorial'nykh voyn na postsovetском prostranstve [Historical Stories of Modern Memorial Wars in the Post-Soviet Space]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 53–58.

Submitted: 01.03.2021

Accepted: 15.03.2021

Проблематика «мемориальных войн» (memory wars) в последние годы становится важным предметом исторического, философского, политологического дискурса. Как отмечает А. Миллер, «суть политики памяти понимается как непримиримое противостояние политических оппонентов, в котором один должен выиграть, а другой проиграть» [Миллер]. На смену попыткам выстраивания диалога между конкурирующими формами исторической памяти в последние годы приходит развязывание полноценных войн, в ходе которых происходит не только отстаивание собственной позиции по отношению к прошлому, но и закрепление данной позиции в соответствующих нормативных документах, регламентирующих публичную оценку проблемных моментов истории. То есть происходит канонизация определенных трактовок прошлого, причем суть данного процесса заключается в стремлении отдельных национальных государств, обретение или возвращение независимости которых связано с процессом падения «железного занавеса», легитимировать не только собственное существование, но и выстроить стратегию, обосновывающую их претензию на включенность в современное политическое пространство.

После распада Советского Союза отечественные историческая наука и образование оказались в сложной ситуации, которую многие исследователи характеризуют как кризис. Если историческая наука в России, несмотря на методологический «застой» и очевидное недофинансирование, сохранила возможности для развития, а так называемая «архивная революция» и работа над «белыми пятнами истории» позволили российским ученым в сотрудничестве с зарубежными коллегами создать значительный пласт качественных исследований и документальных публикаций по различным периодам российской истории, в том числе по советской эпохе, то отечественное историческое образование вступило в период болезненной трансформации, ключевой тенденцией которого становится отказ от советского идейно-политического наследия.

Схожие процессы происходили практически во всех республиках бывшего Советского Союза, в которых с обретением независимости активизировался процесс поиска собственной

национально-государственной идентичности и выстраивания своей национальной истории. Как научные исследования, так и учебная историческая литература большинства постсоветских стран оказались подвержены общей тенденции национализации истории. Из российских учебников, а также из учебников других государств, образовавшихся после распада СССР, исключались материалы об истории бывших советских республик. Вместе с тем можно говорить о том, что в отечественном историческом образовании, в сравнении с большинством постсоветских стран, произошел более мягкий формат переоценки своего исторического прошлого. В отличие от других новообразованных государств, не имевших собственных полноценных учебников по истории, Россия могла выбирать — разрабатывать концептуально новые подходы к преподаванию отечественной истории или корректировать старые советские учебники. В 1990-е гг., во многом пойдя по пути «наименьшего сопротивления», российское руководство выбрало второй путь, сохранив в исторической литературе определенное влияние советской традиции.

В России в наибольшей степени пересмотру подверглась новейшая история страны. Во многом под влиянием информационной политики подавляющего большинства российских средств массовой информации и деятельности органов государственной власти по дискредитации «тоталитарного» наследия Советского Союза соответствующие оценки советского периода отечественной истории получили широкое распространение в исторических исследованиях и перешли в новые школьные и вузовские учебники и учебные пособия. В этот период происходит окончательная «десакрализация» деятельности коммунистической партии, образа В. И. Ленина и значения Октябрьской революции 1917 г. в истории страны. При оценке деятельности В. И. Сталина акцент делается на массовых репрессиях и демонстрации просчетов в социально-экономической политике и подготовке к Великой Отечественной войне.

Была предпринята попытка рассматривать Великую Отечественную войну исключительно в мировом контексте — как «один из фронтов» Второй мировой войны. При этом зачастую уравнивались различные по масштабу

и историческому значению события, происходившие на советско-германском фронте и на других театрах военных действий Второй мировой войны. В качестве предмета для дискуссии для старших школьников выносилось обсуждение концепции «превентивной войны» Германии против СССР В. Суворова. С незначительными отличиями подобный набор оценок событий новейшей истории страны закрепился в большинстве многочисленных учебников и учебно-методических пособий, появившихся в 1990-е гг. и издававшихся в том числе при финансовой поддержке зарубежных фондов. Другим результатом происходивших в российском образовании процессов стала дезориентация учителей, в большинстве своем привыкших работать в рамках единого подхода к преподаванию истории.

Кардинальный поворот в официальной политике памяти и системе исторического образования в России произошел в начале 2000-х гг. в результате смены политического руководства, которое обозначило стремление консолидировать противоположные точки зрения на собственную историю и желание достигнуть определенного консенсуса в обществе. С этого времени начинается активизация использования научного и образовательного потенциала в целях оптимизации российской политики памяти. Выходят исследования, посвященные формированию российской национально-государственной идентичности и ее символических оснований. Оживляется дискуссия о необходимости упорядочения системы исторического образования в школе, в том числе путем создания единого учебника по отечественной истории. Вместе с тем можно констатировать, что в нашей стране так и не происходит формирования устойчивой системы национальных ценностей (до определенной степени можно говорить, что единственным исключением является патриотизм). В этой связи современную политику памяти в России характеризует ее реализация в условиях мозаичности ценностей, возможной конкуренции ценностных систем.

К важным причинам поворота в отношении к собственной истории в России в XXI в. следует отнести и активизацию нападок на советское прошлое в странах Восточной Европы, главной мишенью которых на международной арене

стала современная Россия [Историческая политика..., 333]. «Оранжевая революция» на Украине и наметившееся охлаждение отношения со странами Запада повлияли на различные стороны политики российских властей, в том числе и на реализуемую символическую политику. Образы совместного исторического прошлого, сформировавшиеся после 1991 г. в государствах Восточной Европы и постсоветского пространства, вступают между собой в серьезные противоречия. Исторические концепции все активнее используются для обоснования взаимных претензий на межгосударственном уровне. Столкновение исторических нарративов приобретает все более конфликтный характер и выливается в так называемые «мемориальные войны». На постсоветском пространстве они возникают в контексте распада единой системы исторических образов и формирования национальных идентичностей [Бордюгов, 13–14].

Одной из ключевых тем современных мемориальных войн на постсоветском пространстве в последние десятилетия стала история Великой Отечественной войны. Этот конфликт является частью более широкого геополитического противостояния за возможность переосмыслить ту геополитическую конфигурацию, которая сложилась по итогам Ялтинской и Берлинской конференций. В этом смысле «войны памяти», разворачивающиеся не только на постсоветском пространстве, но и по всей Восточной Европе, знаменуют собой не столько вопрос трансформации исторического дискурса, сколько изменение политического порядка, в результате чего меняется положение отдельных стран, а следовательно, и их обоснование данного положения. Усиление конфронтационных тенденций с этой точки зрения связано с несколькими основными причинами.

Политическая подоплека активизации войн памяти связана с кризисом прежде всего проекта глобальной памяти, прообразом которого стали попытки создания общеевропейской памяти вокруг «проработки прошлого», предложенной Т. Адорно [Адорно, 14]. Вопрос о «немецкой вине» в результате длительной общественной полемики становится фактором консолидации не только германского общества, но и превращается в способ обеспечения единой европейской идентичности (в своем

изначальном варианте, прежде всего западно-европейской). Но окончание «холодной войны» и неумолимое расширение Европейского союза на территорию Восточной Европы в 90-е гг. XX в. привело к существенным трансформациям в дискурсивных стратегиях памяти о войне, поскольку вновь образовавшиеся или кардинально поменявшие политический режим государства оказались в противоречивой ситуации. С одной стороны, уже сформировавшийся западный дискурс о войне требовал соблюдения определенных морально-этических и нормативных рамок (например, сохранение и защиту памяти о Холокосте), а с другой — естественным процессом на территории этих государств становится рост националистических настроений, заставляющих героизировать тех исторических персонажей, которые, в контексте современной политической карты Европы, начинают выступать в качестве защитников национальной независимости. Данные процессы мы можем наблюдать, с определенной степенью вариативности, и на постсоветском пространстве.

Другой существенной причиной становится информационный плюрализм, заключающийся в многообразии точек зрения на поводу травматических моментов исторического прошлого, а также возможности сравнения существующих интерпретаций. Как ни парадоксально, но именно информационная открытость становится важным фактором активизации мемориальных войн, поскольку наличие конкурирующих нарративов предполагает отстаивание в информационном пространстве той точки зрения, которая наиболее соответствует национальным интересам постсоветских государств.

Актёры и нарративы современных войн памяти между различными республиками бывшего СССР серьезным образом различаются между собой. При этом российская сторона, выступающая за сохранение единых подходов к историческому значению участия СССР в Великой Отечественной и Второй мировой войнах, зачастую оказывается одной из сторон мемориальных войн на постсоветском пространстве. Одни и те же исторические личности и события часто получают диаметрально противоположные оценки на государственном уровне, в общественно-политическом дискурсе

и системе образования. Важной причиной включения России в целый ряд исторических конфликтов является ее исходная позиция, заставляющая рассматривать постсоветское пространство как определенное геополитическое и мировоззренческое единство. При этом важно учитывать, что, несмотря на сходство траекторий исторической политики на постсоветском пространстве, именно это сходство парадоксальным образом служит источником раскола, поскольку демонстрирует противоречивое стремление отдельных государств как выстроить определенную систему внешнеполитических отношений (и с Российской Федерацией, и с другими политическими акторами), так и обеспечить решение внутривнутриполитических задач. Историческая память в данном случае становится важным инструментом, позволяющим достигать неустойчивого баланса между особенностями внешней и внутренней политики.

Исходя из задач построения и укрепления новых политических наций, различного, хотя и имеющего много общих черт опыта выстраивания национальной идентичности различные постсоветские государства по-своему осуществляют «приватизацию памяти» о Великой Отечественной войне. Например, в Казахстане отмечается стремление пересмотреть сложившееся в советский период представление об отдельных эпизодах войны в пользу участия в них этнических казахов (водружение Знамени Победы над рейстагом, подвиг Н. Ф. Гастелло). Справедливости ради стоит отметить, что национализация героев Великой Отечественной войны свойственна и современной российской региональной политике, особенно в республиках Поволжья и Северного Кавказа. В частности, в Татарстане особенно подчеркивается татарское происхождение майора П. М. Гаврилова, героя обороны Брестской крепости, хотя вопрос о его этнической идентичности является крайне дискуссионным.

Важным вопросом, ставшим предметом оживленной дискуссии после распада СССР, является тема коллаборационизма советских граждан в период войны. На рубеже XX — начала XXI в. в России была проделана большая работа по документальному изучению и осмыслению этого явления. Вместе с тем,

в отличие от прибалтийских республик и Украины, российские власти не пошли на героизацию людей, сотрудничавших с нацистской Германией в годы войны (хотя оценки коллаборационизма были значительно смягчены по сравнению с советским периодом). Как следствие, на дипломатическом уровне вступают в конфронтацию официальные российские, прибалтийские и украинские оценки политики советских органов государственной безопасности, проводившейся по отношению к участникам антисоветского движения в этих республиках в годы Великой Отечественной войны и после ее завершения [Политика против истории...].

Близкая к прибалтийской трактовка причин участия жителей республики в воинских формированиях нацистской Германии получила распространение в Азербайджане. Так, авторы школьного учебника «История Азербайджана» для 11 класса напрямую оправдывают участие азербайджанцев в Мусульманском легионе надеждами на получение независимости, которые они связывали с приходом нацистов [Наследники победы и поражения..., 208].

С принципиально иных позиций трактуется служба советских граждан в военных формированиях нацистской Германии в Казахстане, Узбекистане, Киргизии и Туркменистане. В этих государствах сложился подход, строящийся либо на умалчивании фактов о службе в Туркестанском легионе выходцев из этих республик, либо на подчеркивании вынужденного характера участия советских военнопленных в коллаборационистских формированиях [Там же, 186].

Особый интерес вызывает память о Великой Отечественной войне в современной Белоруссии, что связано в первую очередь с ее тесными политическими связями с Российской Федерацией, а также с видимым сохранением значительной части еще советской стилистики мемориального дискурса. Вместе с тем, как отмечает В. Шимов, этот взгляд является поверхностным, потому что не учитывает постепенный тренд на национализацию памяти

о войне, что проявляется в появлении альтернативных мемориальных акций («Беларусь помнит» вместо «Бессмертного полка»), новых мемориальных дат, подчеркивании особой роли белорусского народа в борьбе с нацизмом [Шимов]. Очевидно, что последствия этого процесса будут иметь большое значение для всего постсоветского пространства, особенно для взаимоотношений Белоруссии и Российской Федерации.

Коллективная память о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве не остается статичной, поскольку это в принципе невозможно в условиях информационной открытости. Сюжеты, связанные с историей и предысторией войны, активно используются в современной исторической политике, играющей важную роль в формировании национальной идентичности в постсоветских странах. Стоит отметить, что постсоветские страны оказываются в очень противоречивой ситуации сочетания различных мемориальных дискурсов, конфликты между которыми могут находиться в латентном состоянии.

Память о Великой Отечественной войне является хорошим маркером, позволяющим оценить не только вариативность политических стратегий присвоения прошлого, но и обозначить национальный вектор развития всех постсоветских государств. По сути, за последние десятилетия складывается множество локальных стратегий репрезентации памяти о войне, каждая из которых нацелена как на выстраивание определенных внешнеполитических связей (что проявляется в самой терминологии — Великая Отечественная война или Вторая мировая), так и на решение внутренних вопросов: создание пантеона национальных героев, консолидация общества, формирование стратегии государственного развития. Разумеется, этот процесс протекает с различной интенсивностью, поэтому активизация войн памяти на постсоветском пространстве постепенно становится не только вопросом ведения внешней политики, но и важным вопросом обеспечения внутренней стабильности отдельных государств.

Список литературы

- Адорно Т. Что такое «проработка прошлого?» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 10–19.
 Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011. 256 с.
 Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 648 с.
 Миллер А. И. Враг у ворот истории: Как историческая память стала вопросом безопасности // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81207> (дата обращения: 25.03.2021).
 Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС / отв. ред. Т. С. Гузенкова, О. В. Петровская. М. : РИСИ, 2015. 460 с.
 Политика против истории. Дело партизана Кононова. М. : Вече, 2011. 464 с.
 Шимов В. Что происходит с памятью о Великой Отечественной войне в Белоруссии? // Фонд стратегической культуры. 2021. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/05/08/chto-proishodit-s-pamjatu-o-velikoj-otechestvennoj-vojne-v-belorussii-53524.html> (дата обращения: 25.03.2021).

References

- Adorno, T. (2005). Chto takoe «prorabotka proshlogo?» [What is a “study of the past?”]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2, 10–19.
 Bordyugov, G. A. (2011). «Voyny pamyati» na postsovetском prostranstve [«Memory Wars» in the Post Soviet space]. М.: АИРО-XXI.
 Istoricheskaya politika v XXI veke (2012) [Historical policy in the XXI century] / Nauchnyye redaktory A. Miller, M. Lipman. М.: Novoye literaturnoye obozreniye.
 Miller, A. I. (2020). Vrag u vorot istorii: Kak istoricheskaya pamyat' stala voprosom bezopasnosti [The enemy at the gate of history. How historical memory has become a security issue]. *Moskovskij centr Karnegi*. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81207> (data obrashcheniya: 25.03.2021).
 Nasledniki Pobedy i porazheniya. Vtoraya mirovaya vojna v istoricheskoy politike stran SNG i ES (2015) [Heirs of Victory and Defeat. World War II in the historical policy of the CIS and EU countries] / отв. ред. Т. С. Гузенкова, О. В. Петровская. М.: RISI.
 Politika protiv istorii. Delo partizana Kononova (2011) [Politics vs. history. The case of the partisan Kononov]. М.: Veche.
 Shimov, V. (2021). Chto proishodit s pamyat'yu o Velikoj Otechestvennoj vojne v Belorussii? [What happens to the memory of the Great Patriotic War in Belarus?]. *Fond strategicheskoy kul'tury*. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/05/08/chto-proishodit-s-pamjatu-o-velikoj-otechestvennoj-vojne-v-belorussii-53524.html> (data obrashcheniya: 25.03.2021).

Сведения об авторе

Комплеев Антон Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Information about the author

Anton V. Kompleev, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.